

ДРЕВНЕИНДООЕВРОПЕЙСКИЙ ПЕРФЕКТ И СЛАВЯНСКИЕ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АРХЕТИПЫ

С. Ковачев

Эволюция древнего перфекта, бытовавшего в доисторический и письменный периоды развития индоевропейских языков, вызывает особый интерес, так как многие ученые придерживались и придерживаются того мнения, что эволюция его протекала в одинаковом направлении, т.е. перфект превращался в нарративное прошедшее, или же отдельные перфектные формы в очень редких случаях приобретали значение настоящего времени. Так, например, А. Мейе утверждает, что "за время развития индоевропейских языков от перфекта образовались формы как настоящего, так и прошедшего времени: лат. *tutudi* /я ударил/ служит для выражения прошедшего времени, а *memini* /помню/ -- настоящего,..."¹

Исследование перфекта как грамматической категории позволяет соприкоснуться с глубоким прошлым индоевропейских языков, выявить некоторые существенные особенности праиндоевропейского языкового строя и исследовать процессы становления, развития и отмирания тех или иных грамматических форм.

Изучению этих процессов, являющихся универсальными для группы родственных языков, мы придаем первостепенное теоретическое и практическое значение, так как почти во всех индоевропейских языках указанные процессы становления и развития перфекта завершились к началу их письменной истории, за исключением санскрита и древнегреческого, ибо эволюцию перфекта в древнегреческом и санскрите мы можем проследить по письменным памятникам, в материалах которых обнаруживаются интересные данные о природе этих процессов.

Говоря о видо-временных отношениях, выражавшихся общеиндоевропейским глаголом на том этапе развития сознания, когда понятия пространства и времени еще не разграничивались, когда эти понятия были еще в своем зародыше, когда они только еще оформля-

лись, мы можем категорически утверждать, что ни грамматической категории времени, ни грамматической категории вида не существовало - была только единственная категория Aktionsart,² выражавшаяся в оппозиции определенности-неопределенности.

Еще А. Мейе отмечает, что "индоевропейские так называемые "временные основы" не обозначают собственно времени... Значение индоевропейских "временных основ" сходно, следовательно, со значением славянских видов, а не германских или латинских времен"³.

Отдавая должное А. Мейе как крупному лингвисту, прокладывавшему новые пути в лингвистике, не следует, однако, забывать, что он не в силах был преодолеть ограниченность школы социологической лингвистики, вытекавшей из буржуазной социологии Шлейхера и Дюргейма⁴.

Вслед за Курциусом и Мейе, открывшими в основах индоевропейского глагола "видовые отношения", многие лингвисты /Ф.Ф. Fortunатов, Л.П. Якубинский и др./ пытались доказать, что славянская грамматическая категория вида является прямым наследием индоевропейского глагола.

И действительно, интерпретируя вопрос о том, что в древнейшую эпоху оппозиция видо-временной системы выражалась в реляциях презенс-аорист и имперфект-перфект, не только вышеупомянутые, но и другие ученые пришли к выводу, что индоевропейские так называемые "временные основы" не обозначают собственного времени и их значение не покрывается значением германских или латинских времен, что эти основы выступают в реляциях, сходных

с реляциями видового противопоставления славянского глагола. Не трудно понять, что эти ученые смешивают древнюю лексическую категорию Aktionsart со славянским видом.

Принимая во внимание то, что древние индоевропейские языки не знали ни грамматической категории вида, ни грамматической категории времени, и что лексическая категория на той стадии развития языков служила для выражения "видо-временных" отношений, мы не можем не подчеркнуть, что понятие настоящего времени в индоевропейском языке — основе являлось на самом деле не понятием абстрактного настоящего, каким оно выступает в сознании человека на современной стадии развития общества, но понятием о действии, развивавшемся и длившемся вне какой бы то ни было системы отсчета, т.е. о действии, совершавшемся безотносительно к моменту речи.

Лексическая категория Aktionsart, выражаясь в оппозиции детерминированности-ндетерминированности, представляла действие как длительное или мгновенное в зависимости от семантического содержания глагола. И общеславянский язык унаследовал из индоевропейского глагольные основы с различными формальными показателями и различной семантикой, о чем писал и А.А. Потебня, считавший, что первоначально славянский глагол различал четыре степени длительности. Проводя четкое разграничение этих степеней длительности, Потебня вместе с тем не ставил вопроса об их историчности, о последовательности развития этих степеней, и, вероятнее всего, по той причине, что они представлялись ему как возникшие одновременно. Однако Потебня проник глубоко в самую суть вопроса, сделав вывод, что вида "вовсе не было в языке славянском, как, например, его нет в настоящее время в немецком"⁵.

Независимо от того, что выводы А.А. Потебни исключительно существенны, он в свое время не пытался объяснить, почему в общеславянском не было грамматической категории вида и что является источником этих степеней длительности. Кроме того,

нам кажется, что предложенный А.А. Потебней термин "степени длительности", нельзя считать вполне удачным, так как общиндоевропейские Aktionsart'ные различия выражались не только этими степенями длительности. По нашему мнению, Aktionsart' — это лексическая категория, при которой различные чередования в корне использовались для передачи самых тонких и самых разнообразных оттенков значений. Кстати, нужно отметить, что Aktionsart'ные отношения выражались, главным образом, внутренней флексией, т.е. чередованием корневых гласных, а также и другими способами — например, суффиксами — показателями глагольных классов.

Такие чередования, указывающие на архаичность своего происхождения, обнаруживаются не только в древних, но и в современных индоевропейских языках и проявляются в некоторых глагольных и именных основах, сохранивших старые внутрифлексивные показатели, присущие индоевропейскому праязыку-основе. В этом отношении общеславянский и его ветви — древние славянские языки — обнаруживают прочно устоявшуюся архаичность:

+tek-, +tēk-, +tak-, +tik-, +těk-: текоу, оутѣнати, токъ,
точити, иставати, истоуьникъ, тьци;
+чек-, +чѣк-, +чок-, +чік-, +чьк-: речеши, рѣвъ, пророкъ,
отърицати, рьци;
+bьd-, +būd-: вѣдѣти, воудати;
+sьh-, +sūh-: сѣхнѣти, соушнѣти;
+vel-, +vol-: велѣти, волити;
+poi-, +pi-: понти, пити;
+pol-, +pal-: полѣти, палити.

Еще более показательными в этом отношении являются глаголы движения. Эти обломки древнейшей старины сохранили внутрифлексивные словообразовательные морфемы, так как они возникли

на самых ранних этапах развития человеческого общества в силу того, что первым осознанным атрибутом материи было движение⁶.

Глаголы движения входят в основной словарный состав данного языка, но общепризнано, что этот состав меньше всего подвергается изменению. Следовательно, глаголы движения, отражающие один из неотъемлемых атрибутов материи, являются реликтами древнейшего лексикона общеиндоевропейского языка-основы, и не удивительно, что в настоящее время древняя лексическая категория Aktionsart "проглядывает" именно в этих глаголах, где сохранилась и Aktionsart'ная оппозиция тех времен:

+hod-, +hed-: ходити - шьаѣ;
+vod-, +ved-: водити - вестн < +vedti;
+voz-, +vez-: возити - вѣзти.

Кроме глаголов движения, сохранивших эту древнейшую реляцию, можно привести немало примеров на акционзартную оппозицию, выступавшую в противопоставлении различных смысловых оттенков значений, которые выражались, как было упомянуто выше, или внутренней флексией, или же другими словообразовательными способами:

/оу/тѣнати - тоунти	actitiv - causativ
рѣун - нарицати	actitiv - causativ
вѣдѣти - воудити	factitiv - causativ
ложати - ложити	stativ - causativ
сѣдѣти - соудити	factitiv - causativ
велѣти - волити	actitiv - deponitiv
вѣдѣти - внаѣти	factitiv - causativ
внаѣти - внаѣти/са/	causativ - stativ
стати - стогати	actitiv - factitiv
/оу/зѣрѣти - /про/зирати	causativ - factitiv
снѣти - саанити	stativ - causativ
шьрѣти - шорити	factitiv - causativ
полѣти - палити	actitiv - causativ

ПАЛИТИ - ПЛАПОЛАТИ	causativ - factitiv
ПИТИ - ПОИТИ	actitiv - causativ
ГОНИТЬ - ЖЕНЕТЬ	repetitiv - longitiv
ВЪРЪТИ - ВАРИТИ	factitiv - causativ
ВЛАСТИ - ВЛАДЯТИ	factitiv - causativ
КРИКНАТИ - КРИУАТИ	momentativ - longitiv
гот. sita /сизу/ - satja /сажаю/	
liga /лежу/ - lagja /кладу/	
лат. meminī /помню/ moneo /напоминаю/	
греч. φοβέω /пугаю/ φοβέομαι /боюсь/	
скр. vartáyati /вращает/ - vartate /вращается/	
svapiti /спит/ - sapáyati /усыпляет/	
bódhati /бодрствует/ bodháti /будит/	
rapibati /пить/ - pāyáti /поить/.	

На основании вышеизложенного материала мы считаем возможным в лексическую категорию Aktionsart включить не только четыре степени длительности, о которых говорил А.А. Потебня, но и приведенные нами варианты семантических оттенков, обнаруживающихся в реляциях, которые мы обозначаем латинской терминологией.

Очень характерным в этом отношении является и древнеиндоевропейский перфект, который стоит особняком среди других претеритов индоевропейской "видо-временной" системы. Об особенностях этой глагольной категории мы можем судить по данным древнегреческого и санскрита, сохранивших эту категорию и в письменный период своего развития. Древнеиндоевропейская Aktionsart'ная форма перфекта, как об этом свидетельствуют памятники письменности вышеупомянутых языков, стояла особняком не только в силу того, что ее семантика отличалась от семантики презенса и аориста, т.е. от семантики настоящего и прошедшего времени /к тому же перфект употреблялся без аугмента, хотя последний, по-видимому, являлся более поздним показателем

претеритов/, но и потому, что форма эта образовывалась посредством редупликации корня, а это как раз свидетельствует о том, что она не могла образовываться фонетически ни от основы презенса, ни от основы аориста. Этот факт наиболее убедительно аргументирует наше утверждение о том, что "видо-временной" системы в древнеиндоевропейском языке не существовало, так как упомянутые выше словообразовательные процессы являются присущими лексическим категориям, в частности и Aktionsart'у. И не кажется уже удивительным, что ученые-лингвисты до настоящего времени стремились подчеркнуть только особенности этой категории, описать односторонне ее семантику и привести "подходящие" примеры, подкрепляющие их тезис.

В противовес этому мы должны отметить, что семантическая зона перфекта очень разнообразна, обширна и более глубока, чем представлялась до сих пор лингвистам.

В рамках одной статьи мы ограничимся вопросом об остатках древнего перфекта в славянских языках, попутно затрагивая и семантическую зону этой категории, не претендуя на полное ее раскрытие, которое, возможно, будет предметом другого нашего исследования.

Итак, в перфекте как древней акционзартной категории мы должны искать внутрифлективные показатели, характерные для самого раннего этапа развития праиндоевропейского языка-основы. Впоследствии эти внутрифлективные словообразовательные морфемы стали непродуктивными и на протяжении целого ряда тысячелетий постепенно вытеснялись внешнефлективными показателями — префиксами, суффиксами и окончаниями. Развитие внешнефлективного спряжения неизбежно привело к грамматикализации "временных" категорий и, наряду с этим, к разрушению древней лексической категории Aktionsart в общиндоевропейском языке-основе. Все эти процессы предопределялись и обуславливались развитием челове-

ческого общества и его сознания, т.е. с течением времени все больше и больше развивалось абстрактное мышление человека, все больше и больше оформлялось понятие отвлеченного времени, понятие о действии, совершающемся в пространстве и во времени, о действии, освобожденном от первообразных конкретно-акционзартных характеристик, о действии, соотношенном с моментом речи или с какой-либо другой системой отсчета.

Все эти перечисленные явления в той или иной мере нашли свое отражение уже в ранних памятниках письменности древних индоевропейских языков, и факты, зафиксированные этими памятниками, еще раз говорят в пользу того утверждения, что перфект был некогда словообразовательной категорией в системе глагола. Если к тому же еще принять во внимание формальное строение перфекта и ступень огласовки корня Q, которая очень характерна для него, то уже имеются весьма веские основания прийти к заключению, что перфект действительно представляет собой не формообразовательную, а словообразовательную категорию. Кроме того, общеизвестен и тот факт, что количественные чередования корневых гласных обнаруживаются в пределах одной парадигмы, т.е. корневой гласный может быть представлен в одной парадигме полной, нулевой, а иногда удлинненной ступенью:

рѣши - рѣхъ - рѣхъ

востъ - востъ - востъ

брати - братъ - братъ.

В славянском языковом строе, как и в иных индоевропейских языках, сохранились особенности древнего по своему происхождению качественного чередования гласных Е/О в составе морфологически родственных морфем /корней, суффиксов и окончаний/. Это чередование по тембру /Е/О/ в корневом слоге наблюдается не между формами одного слова, а между различными словами, восходящими к одному корню. Но в составе этимологически родственных морфем встречается чередование гласных, различных и по способу образования /по качеству/, и по долготе /по количеству/.

Такую смешанного характера альтернацию гласных с небольшим разнообразием можно обнаружить в корневом составе, причем в истории различных славянских, а также других индоевропейских языков отдельные морфемы допускали лишь некоторые из возможных чередующихся друг с другом гласных. Однако и в корневом составе различные ступени качественной и количественной альтернации гласных можно восстановить лишь на материале не одного, а нескольких языков. Надо отметить еще, что таких морфем, обнаруживающих в одном и том же языке наибольшее количество возможных ступеней чередования гласных, очень мало. Эти древнейшие словообразовательные процессы еще на рубеже индоевропейской общности и ее распада на отдельные диалектные группы стали непродуктивными типами и в настоящее время воспринимаются как "выброшенные за борт" живой грамматической системы, но еще "цепляющиеся" за нее остатки бывших лексико-морфологических реляций. Из этих непродуктивных грамматических групп выделились и сохранились до настоящего времени только те слова, которые были наиболее употребительными в быту, обозначавшие круг привычных и свойственных человеку действий, процессов, явлений и предметов обихода. Приведем некоторые примеры.

корень:

+ greb-: грѣѣ, грѣѣши

+ grēb-: погрѣѣти, грѣѣ /арх. аор., из + grebsъ/

+ grob-: оугроѣти, гроѣѣ

+ grab-: граѣѣти, граѣѣ.

+ корень:

+ ger- > + žer-: жарѣѣ "раскаленные угли"

+ ger- > + žer-: жарѣѣ, пожарѣѣ

+ gor- > + gor-: горѣѣти

+ gar- > + gar-: оугарѣѣ

корень:

- ⁺hod > ⁺hod-: ходити, приходз
- ⁺had > ⁺had-: прижадати /⁺dj> zdʒa/
- ⁺hʲd > ⁺šʲd-: шыаъ, шыаъши /действ. прич. прош. вр./
- ⁺hid > ⁺šid-: оушпаъ "беглец"

Как видно из этих примеров, древние по своему происхождению качественно-количественные чередования гласных значительно осложнялись в связи с палатализацией согласного, предшествующего гласному переднего образования или Ј. Древнейшие словообразовательные процессы, проявившиеся, как было упомянуто выше, в некоторых глагольных и именных основах, остались в качестве реликтов и были зафиксированы не только славянскими, но и другими древними языками. Рассмотрим эти явления в латинском языке.

корень men-, men-/min-, mon-:

mens-, tis "ум, разум"

memini "помню", бывший перфект с удвоенным корнем;

men-/min-.

moneo, -ēre "напоминать, напоминаю"

monitor, -ōris "советник, консультант";

корень fac-, fec-, fic-:

facio "делаю"

fecī "я сделал"

beneficium "благодетельство"

корень dō-, dā-, de-/di-:

do "даю"; dōnum "дар"

dare "дать",

dedī "я дал", бывший и.-е. перфект с удвоенным корнем.

Показательны в этом отношении и греческие корни.

корень φρεν-, φρην-, φρον-:

φρενεξ /N.pl./ "сердце, ум"

φρην /N.sg./ "сердце, ум"

φρονω "мыслить, думать"

корень λελπ-, λλπ-, λλπ-/λολπ-:

λελω "оставляю"

ελπov "оставил", аорист

λελοικα "я оставил и оставленное есть", перфект с удвоенным корнем: λλπ-/λολπ-

корень φερ-, φор-:

φερω "несу"

φορω "ношу"

Санскрит обнаруживает те же самые явления.

корень ved-, vid-:

veda "знаю", бывший и.-е. перфект

vidur "знают", бывший и.-е. перфект

vid "знающий, знаток", этот корень употребляется для образования сложных слов:

vedavid "знаток Вед, знающий Веды"

корень sthā-, stho-, sth-:

sthāna "стояние, место"

sthīti "твердость, постоянство"

tistāmi "стою"

taṣṭimā "мы встали"

stita /particip. perf. pass./

Из приведенных выше и последующих примеров нетрудно убедиться, что древний перфект, формы которого обнаруживаются в греческом и санскрите, принадлежал к словообразовательным категориям. Для этой цели рассмотрим и некоторые перфектные формы, представленные латинским языком. Правда, семантика латинского перфекта в памятниках письменности ничем не отличается

от семантики нарративного прошедшего времени, в котором еще в дописьменный период совпали общендоевропейский перфект и аорист. Независимо от того, что латинский перфект претерпел сильные сдвиги и трансформации /с течением времени он начал покрывать совсем другую семантическую зону/, некоторые его формы свидетельствуют о прочно устоявшейся архаичности, указывающей на вышеупомянутые древние словообразовательные процессы.

fallo /обманываю/ - fefellī /я обманул/
 cado /падаю/ - cecidī /я упал/
 pango /засаживаю/ - pepigī /я засадил/
 parco /сохраняю/ - pepercī /я сохранил/
 tango /касаюсь/ - tetigī /я коснулся/
 tendo /тяну/ - tetendī /я протянул/
 pungo /колю/ - pepugī /я уколол/
 tundo /бью/ - tutudī /я ударил/

В качестве иллюстрации можно привести примеры и из греческого языка, где, как и в санскрите, удвоение распространилось почти на все глаголы, в то время как в готском и латинском редупликация корня присуща лишь небольшому количеству глаголов. Анализ греческих примеров тоже показывает, что формы перфекта восходят к общендоевропейскому архетипу словообразовательных категорий.

πεπραυα	"я сделал" - πρᾶττω "делаю" /корень πρᾶγ-/
υεγραφα	"я написал" - γράφω "пишу" /корень γράφ-/
πεφευγα	"я убежал" - φεθῶ "бегу" /корень φθγ-/
тетποφα	"я накормил" - τρέφω "кормлю" /корень τρέφ-/
тетποφα	"я повернул" - τρεπῶ "поворачиваю" /корень τρεπ-/
εκτονα	"я убил" - κτείνω "убиваю" /корень κτεν-/
κλεποφα	"я украл" - κλέπτω "краду" /корень κλέπ-/
πεποσθα	"я полагал, верил" - πείθω "уверять, убеждать"
	/корень πείθ-/
μεμνηνα	"я обезумел" - μανιῶμαι "безумствую" /корень μαν-/.

Сходный архетип обнаруживает и санскрит. Кроме вышеприведенных примеров остановимся и на других.

mamarda - pf., 1 л. ед.ч.

mamrdúr - pf., 3 л. мн.ч. /глагол. корень в неслабом виде
др.-инд. mard- "растирать, раздроблять"/

rireca - pf., 1 л. ед.ч. "я оставил"

ġagāma - pf., 1 л. ед.ч. "я пришел"

gagmúr - pf., 3 л. мн.ч. корень ġam "идти, приходить"

vavarta - pf., 1 л. ед.ч. "я повернулся"

vavṛtma - pf., 1 л. мн.ч. "мы повернулись"

vṛtah - part. perf. pass. "повернутый"

Есть все основания полагать, что качественно-количественные чередования в корневой морфеме представляют собой древнейшие из древнейших средств словообразования в индоевропейском праязыке-основе и в его диалектах. В пользу этого утверждения говорит и архетип разряда слов, обозначающих движение. Эта категория слов, как говорилось выше, возникла на самой ранней стадии развития языка в силу того, что первым оформившимся атрибутом сознания было понятие движения, отражающее объективно существующий неотъемлемый атрибут материи.

В соответствии с данными нашего анализа мы можем уверенно сказать, что приходаз, оуходаз и пришьаз, оушьаз не были первоначально формами одного глагола, якобы впоследствии разграничившимися и превратившимися в два разных типа слов, но издревле существовали как отдельные слова, восходящие к одному и тому же корню.

Следовательно, реляции везти - возити, вельти - волити, вести - водити, мьрѣти - морити, сзърѣти - прозирати, сзърѣчати - позорити, власти - владити являются обломками древнейших акционзартных оппозиций словообразовательного типа.

Таким образом, описывая на этих фактах старославянского и древнерусского языков и привлекая данные других индоевропей-

ских языков, можно прийти к выводу, что не только указанная черта формального строения перфекта, но и само сопоставление его с другими темпоральными формами служит очень веским аргументом в пользу нашего взгляда, что некогда перфект представлял собой в системе глагола словообразовательную категорию, которая не являлась производной ни от презенса, ни от аориста.

После всего сказанного едва ли могут возникнуть какие-либо сомнения в том, что реляция в древнегреческом, как, например, $\lambda\epsilon\iota\pi\omega - \tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\omega - \lambda\epsilon\lambda\omicron\upsilon\pi\alpha$ или в совр. английском $ring - rang - rung$ /звенеть/, $drink - drank - drunk$ /пить/ представляют оппозиции между отдельными словами, восходящими к одному корню, а не между разными формами, образованными от какой-либо производной основы. К тому же надо указать еще на то существенное обстоятельство, что в современных индоевропейских языках не легко обнаружить бывшие исторические процессы, так как они весьма завуалированы вследствие наслоения различных эпох. Заключение, к которому мы пришли, трудно согласовать с той точкой зрения, в соответствии с которой форма перфекта представляет собой категорию, производную от аориста-презенса.⁷

Итак, исходя из материала древних и новых индоевропейских языков, в темпоральной системе глагола мы обнаруживаем такую специфическую особенность, которая могла бы служить исходным пунктом для ряда дальнейших заключений.

1. Сохранившиеся реляции в глаголах движения /напр., ${}^+\text{hed} / {}^+\text{hod}$, ${}^+\text{ved} / {}^+\text{vod}$, ${}^+\text{vez} / \text{voz}$, о которых шла речь выше, подтверждают не только архаичность подобного словообразовательного процесса, но и то, что эти глаголы являются архетипами, возникшими на самой ранней стадии развития индоевропейского языка-основы. Действительно, на первом этапе трудовой деятельности, которая

является основным источником познания внешнего мира, могло оформиться только понятие движения, всегда входящего обязательным элементом в любое трудовое действие. Вот почему старые специфические приметы лексической категории Aktionsart "проглядывают" именно в глаголах движения, до сих пор сохранивших в русском языке древнюю оппозицию определенность-неопределенность.

2. Качественно-количественные чередования являлись характерной чертой не только лексических категорий, но и категории Aktionsart, выражавшейся в оппозициях презенс-аорист-перфект. Следовательно, с точки зрения формального строения эти реляции не отличались от словообразовательных категорий. Иными словами, презенс, аорист и перфект представляли словообразовательные глагольные категории, восходящие к одному корню, а не отдельные формы, образованные от какой-либо производной основы. Наоборот, каждая из этих трех основных глагольных категорий служила исходным началом для образования соответствующего лексического гнезда. Так, например, от основы презенса образовывались формы будущего времени, имперфекта, причастия, герундий и т.д. И в письменный период своего развития древнеиндоевропейские языки обнаруживают инфинитивы, причастия и многие другие формы, образованные как от презенса и аориста, так и от перфекта. На первый взгляд получается такая картина, какую обнаруживает грамматическая категория вида в славянских языках: данная глагольная основа совершенного или несовершенного вида служит исходным началом для образования от нее производных форм — временных глагольных, причастий, деепричастий, отглагольных существительных и т.д. На основании этого многие лингвисты считали, что реляция презенс-аорист-перфект в древнеиндоевропейскую эпоху якобы такая же, что и реляция между различными видами, образованными от одного и того же глагольного корня.

3. Вследствие того, что каждая из этих глагольных катего-

рий служила исходным пунктом для образования от нее других форм, такой крупный лингвист, как А. Мейе, пришел к выводу, что значение временных основ индоевропейского глагола сходно со значением славянских видов.

Эта специфическая особенность древнеиндоевропейского глагола вводила многих ученых /см. выше/ в заблуждение. Они пытались доказать, что славянская грамматическая категория вида является прямым наследием индоевропейского глагола.

После этих выводов, базирующихся на формальном строении древних глагольных категорий, мы считаем целесообразным остановиться и на их семантике для более полного выявления сущности глагольной системы общиндоевропейского языка-основы.

Сравнительная грамматика индоевропейских языков устанавливает, что указанные выше глагольные категории — презенс, аорист и перфект — в ранний индоевропейский период не всегда выражали собственно время, а характеризовали действие с точки зрения его протекания безотносительно к моменту речи или к какой-либо другой системе отсчета. О вневременном значении этих категорий свидетельствуют памятники письменности санскрита и древнегреческого. Эти грамматические явления подтверждают мысль о том, как уже указывалось выше, что в раннюю индоевропейскую эпоху существовала только лексическая категория Aktionsart и что грамматическая категория времени не была присуща индоевропейскому языку-основе на его ранней стадии развития.

Особые трудности представляет решение проблемы, связанной с семантикой перфекта, в толковании которой до настоящего времени в лингвистике нет единого мнения. Эта проблема имеет исключительно важное значение, ибо после распада общеславянского языка на отдельные диалектные группы перфект сыграл огромную роль в дальнейшей истории формирования претеритальной системы западных и восточных славянских языков.

Кроме того, надо обратить внимание и на тот факт, что

грамматическая категория, называемая лингвистами перфектом, не оправдывает в славянских языках своего названия. Для обозначения этой категории в грамматиках используется латинское слово perfectus "завершенный, совершенный, законченный, сделанный, доведенный до конца". С точки зрения семантики латинского прошедшего времени это название является правомерным, так как латинский перфект образовался в результате объединения общиндоевропейских акционзартных категорий перфекта и аориста, превращаясь в нарративное прошедшее время.

Для того, чтобы выявить сущность эволюции древней акционзартной формы перфекта, нам кажется правомерным обратить внимание на то обстоятельство, что развитие языка, как известно, осуществляется путем отмирания старого качества и появления элементов нового. Вследствие эволюции основных глагольных категорий с течением времени в индоевропейских языках оформилась система временных различий, а в славянских — не только временных, но и видовых.

И если на самой ранней стадии развития общиндоевропейского языка акционзартное противопоставление выражалось глагольными основами, для которых были характерны внутрифлективные показатели, то временное противопоставление, обнаруживающееся уже в период раздельного существования индоевропейских языков, выражалось "первичными" и "вторичными" окончаниями, т.е. внешнефлективными показателями. Но развитие внешнефлективного спряжения, как было упомянуто выше, неизбежно привело к разрушению древней лексической категории Aktionsart в индоевропейских языках. Так, например, на основе акционзартной формы перфекта, которая выражала результативность безотносительно ко времени, складывается временная форма перфекта, обозначающая многоаспектную жизнеустойчивость последствий действия для более позднего временного плана. И на славянской почве в отличие от других древних индоевропейских языков складывается не простая, а сложная, аналитическая форма перфекта: *гесъмь далъ, гесте двалли*,

сать пришьли и т.п., причем нетрудно заметить, что элементы старого в некоторой степени сохранились в семантике сложной формы перфекта, а элементы нового — в становлении и развитии этого славянского новообразования, являющегося типичной грамматической, а не лексической категорией.

Рассматривая проблему становления славянского перфекта как сложной формы прошедшего времени, мы сталкиваемся с вопросом: можно ли обнаружить в славянских языках реликты простой акционзартной формы древнего перфекта? Сравнительная грамматика индоевропейских языков отмечает, что единственный остаток этой древней категории сохранился в форме *vědъ* /знаю/, восходящей к медиальному перфекту, образовавшемуся в период обособления индоевропейских диалектов. Формы медиа перфекта были образованы с такими же окончаниями, как в презенсе медиа. Первое лицо ед.ч. медиального перфекта обозначалось флексией $-^{+}ai$, которая на славянской почве закономерно отразилась рефлексом $+e > ѣ$.

Использованные нами материалы сопоставительного изучения древних словообразовательных процессов опровергают категорическое мнение лингвистов о том, что простая форма древнего перфекта представлена в славянских языках единственным остатком *vědъ*. Существенный шаг вперед на пути к выяснению интересующего нас вопроса мы сделаем в том случае, если будем учитывать специфическую особенность этой категории, состоящую в том, что некогда перфект представлял словообразовательный архетип, не входивший ни в систему "темпоральных" категорий глагола, ни в систему наклонений. Не имел ничего общего он с категорией залога. Перфект стоял "особняком" среди других претеритов и потому, что семантическая зона, которую он покрывал, коренным образом отличалась от семантики других "временных" форм. В самом общем виде перфект выражал результативность, состояние безотносительно ко времени, а действие, вызвавшее эту результативность или состояние, совершилось в прошлом.

Приведем некоторые примеры из санскрита и древнегреческого, а также их параллели с тарославянском и древнерусском языках.

скр.: *ḡagmūr* "они сѣть пришьли", т.е. "они пришли и сейчас находятся здесь".

riřesa "аъъ гесмь оставилъ", т.е. "я оставил и оставленное лежит там".

piřuvuh "они сѣть очистили", т.е. "они очистили, и чистота сейчас налицо".

др.-греч.: "онъ гесъ сѣгнулъ", т.е. "он, напр., /ствол дерева или что-то другое/ сгнил и сейчас ни к чему не пригоден".

от' "аъъ гесмь сталъ", т.е. "я встал и стою".

Все перечисленные выше особенности, касающиеся как формального строения, так и семантики этой древнейшей старины побуждают нас искать ее остатки не только в системе славянского глагола, но и в системе других словообразовательных категорий. Мы считаем, что выход за пределы глагольной системы в поисках ответа на вопрос о распаде и остатках общендоевропейского перфекта в славянских языках вполне правомерен, ибо данные, добытые путем сравнительно-исторического анализа, свидетельствуют в пользу изложенной здесь точки зрения. Существенное значение для обоснования высказанного мнения имеют также факты, зафиксированные славянскими языками.

Прежде чем попытаться найти ключ к решению интересующей нас проблемы, обратим внимание на протославянский альтернативный корень ⁺pal-, ⁺pol-, ⁺pel-, обнаруживающийся в древней акционзартной реляции ⁺paliti - ⁺polëti. В исторический период развития славянских языков акционзартную оппозицию палити — полëти находим уже зафиксированной в письменных памятниках не только староболгарского и древнерусского, но и других славянских языков. Нет сомнения, что альтернативный корень послужил исходным пунктом для образования ряда слов, вошедших в отдель-

ное семантическое гнездо. Приведем примеры на некоторые слова, образованные от этого корня.

палити, палѣхъ "сжигать, жечь"

огньны ти словесы и пламени же повелени творяца всѣхъ
вѣху палиши [и] ѿгониши

полѣти "пылать, гореть"

огнь поля на верхоу горы. ѿ огня поляше /6, с. 1152/

попалити, -лѣхъ "сжечь, поджечь"

много пакости сзвориша, села пожгоша, жита попалиша
/6, с. 1188/

палъ, -а "огонь, пламя"

вес пала палими штрони

палати, палахъ "пылать, сильно гореть"

единоу вжегши емоу пещь въ пещерь поуча палати оутлизнами
ономоу же нѣумъ заложити, вѣстоупи ногама на полома дон-
деже изгорѣ и излезѣ⁸.

Ограничиваясь вышеприведенными примерами, мы должны обратить внимание на тот факт, что к этому корню восходят и такие слова, как палити, ополѣти, пылати, полыхати, паление, полѣно, польнѣ, пламы, плама, попелъ/пепелъ, испепелити и многие другие.

Несомненный интерес для выяснения вопроса об остатках древнего перфекта в славянских языках представляет слово пепелъ и его вариант попелъ. Но прежде чем остановиться на этой проблеме, надо отметить еще то обстоятельство, что М. Фасмер, раскрывший семантику этого слова более полно по сравнению с другими этимологами, указывает на его связь со старославянскими и древнерусскими глаголами палити/полѣти и с именем существительным плама, обходя молчанием вопрос о сущности общеславянского корня, к которому восходят эти слова.⁹

По-видимому, этот факт не случаен, и М. Фасмер уклонился

от прямого ответа на этот естественно возникающий вопрос, так как если бы автор возвел вышеупомянутое семантическое гнездо к индоевропейскому корню $^{+}pol-/^{+}pel-$, то он столкнулся бы с затруднительным и, на первый взгляд, необъяснимым фактом, свидетельствующим о том, что этот корень перекрещивается с другим индоевропейским корнем $^{+}pol-/^{+}pel$ "двигаться", ничем не отличающимся в фонетическом отношении от предыдущего, но имеющим совсем другое значение¹⁰.

Вопреки М. Фасмеру, на основании фонетических законов, действовавших в древних индоевропейских языках, мы считаем целесообразным расширить свои поиски в сфере альтернативного корня $^{+}pal-/^{+}pol-/^{+}pel-$ путем включения в эту сферу вариантов других возможных внутрифлексивных чередований, в том числе и чередование с нулем звука.

В конечном итоге мы приходим к альтернативному ряду $^{+}pal-/^{+}pol-/^{+}pul-/^{+}pel-/^{+}pl-$, зафиксированному славянскими языками: палити, палз, полѣти, пылати /из $^{+}p\ddot{u}lati/$, пылз, попелз/пепелз, плаполати.

К тому же надо иметь ввиду то обстоятельство, что индоевропейские фонемы [p, b, f, v] нередко перекрещивались и перекрещиваются в своих рядах в силу того, что на самой ранней стадии развития общиндоевропейского языка артикуляционная система человека еще не была достаточно развита, и поэтому можно предположить, что в тот отдаленный период существовал один единственный протолабиальный звук, который впоследствии дал билабиальные и лабиодентальные фонемы.

Доказательством неразграниченности этих звуков на раннем этапе развития общиндоевропейского языка может служить не только перекрещивание их фонетических рядов в более поздний период раздельного существования индоевропейских языков, но и тот факт, что многие древние языки не знали некоторых из этих фонем. Общеизвестно, например, что звук [$^{+}$] искони был чужд праславянскому, а позже, и славянским языкам в древний истори-

ческий период их развития. Многие данные говорят в пользу того взгляда, что губнозубной [⁺v] в языке славян ведет свое начало от билабиального или краткого индоевропейского [⁺u]. Иными словами, можно утверждать, что протославянский не знал губно-зубных звуков. И если вспомнить, что лабиодентальный [⁺v] был чужд греческому и что санскрит не знал фонемы [⁺f], то можно с уверенностью заключить, что в самый отдаленный период развития индоевропейского праязыка была одна единственная билабиальная протофонема, послужившая источником развития всех других губных звуков - билабиальных, лабиодентальных и лабиоспирантов.

Косвенным, но весьма веским доказательством изложенной здесь точки зрения могут служить и данные современного корейского языка, хотя последний не принадлежит к индоевропейской группе языков. Небезынтересно и то, что начинающему изучать любой индоевропейский язык корейцу очень трудно различить фонемы [⁺p, ⁺b, ⁺f, ⁺v], он и в говоре и на письме смешивает их. Все это является следствием того, что корейский язык не знал и не знает этих четырех индоевропейских фонем. Этому языку присущи три губных звука, притом только билабиальных, коренным образом отличающихся от индоевропейских [⁺p, ⁺b]. Независимо от того, что этот язык не входит в индоевропейскую семью, его данные тоже свидетельствуют о том, что протолабиальная фонема на самом раннем этапе существования корейского праязыка могла быть только билабиальной протофонемой, как в общеиндоевропейском, но шла в своем развитии совсем по другому пути.

Этот ход рассуждения приводит нас не только к новому пониманию становления и хронологического развития лабиальных звуков, но и к выводу о том, что в ту отдаленную эпоху, когда язык только зарождался, могла существовать одна единственная губная фонема только билабиального характера и что лабиодентальные звуки оформились на очень поздней стадии развития языков.

Наши заключения отнюдь не носят произвольного характера, ибо их можно подкрепить не только данными многих индоевропей-

ских языков, но и тем фактом, что потребовалось несомненно много тысячелетий для того, чтобы нижняя губа стала достаточно подвижной, т.е. активным органом речи и, следовательно, могла бы свободно соприкасаться с верхним рядом зубов, - иначе говоря, чтобы нижняя губа выполняла основную функцию для вычленения лабиодентальных звуков.

Итак, если наши выводы о том, что древнейшая лабиальная протофонема послужила источником развития остальных лабиальных звуков, являются правомерными, то мы не должны ограничиваться только анализом альтернативного ряда $^{+}pal-/^{+}pol-/^{+}pul-/^{+}pel-/^{+}pl-$, а необходимо расширить свои поиски и в сфере остальных рядов: $^{+}bal-/^{+}bol-/^{+}bul-/^{+}bel-/^{+}bl-/^{+}fal-/^{+}fol-/^{+}ful-/^{+}fel-/^{+}fl-/^{+}val-/^{+}vol-/^{+}vul-/^{+}vel-/^{+}vl-/^{+}phal-/^{+}phol-/^{+}phul-/^{+}phel-/^{+}bhal-/^{+}bhol-/^{+}bhul-/^{+}bhel-$

Мы считаем, что эти утверждения доказуемы, так как в нашем распоряжении имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о переkreщивании не только в фонетической, но и в семантической зоне вышеупомянутых рядов. Необходимо, однако, учитывать то обстоятельство, что в истории развития данного языка отдельные морфемы допускали лишь некоторые из возможных вариантов чередующихся друг с другом корневых гласных и что ступени качественного и количественного чередования можно восстановить на материале не только одного, а нескольких языков. Кроме того, таких морфем в одном и том же языке можно обнаружить в небольшом количестве вследствие того, что мы имеем дело с древнейшим словообразовательным архетипом, ставшим непродуктивным еще на стыке индоевропейской общности и ее распада на отдельные диалектные группы. После всех изложенных рассуждений можно приступить к анали-

зу фактического материала, подтверждающего правомерность наших выводов.

Общеизвестно, что древнерусское слово *полома* и староболгарское *плама* восходят к праславянскому ⁺*polmen*. Тот же словообразовательный архетип обнаруживается в существительных *имѧ* и *сѣмѧ*, которые вполне обоснованно возводятся учеными к общеславянским ⁺*imen*, ⁺*sēmen* и сопоставляются с латинскими *nomēn*, *semen*. Однако по отношению к слову ⁺*polmen* этимологи, очевидно, проявили осторожность, не сопоставляя его по родству с латинским или с каким-либо другим индоевропейским словом. Вопреки этому, основываясь на вышеизложенных выводах о лабиальной протофонеме и ее развитии, а также принимая во внимание специфическую особенность ступеней чередования корневых гласных в вышеприведенных рядах, мы считаем, что общеславянское ⁺*polmen* родственно с латинским *fulmen* /от гл. *fulgeo*/. В итоге получают следующие соответствия:

общеслав.	лат.
⁺ <i>imen</i>	<i>nomēn</i>
⁺ <i>semen</i>	<i>sēmen</i>
⁺ <i>polmen</i>	<i>fulmen</i>

Вслед за этим приступим к изложению фактов, обнаруживающихся в латинском языке, которые говорят сами за себя и не нуждаются в каких-либо дополнительных разъяснениях.

fulmen - /одного корня с *fulgeo*/

"молния, сокрушительный удар, разящая сила, вспышка гнева"

fulgeo - /тот же корень, что и в *flagro*, *flaveo*, *fulvus*, *fel*/
"сверкать, блестеть, сиять"

flagro - /одного корня с *fulgeo*/
"гореть, сверкать, пылать"

flagrans -/от гл. *flagro*/ "горящий, плакающий, жгучий, палящий, пылкий, горячий"

flavus - /одного корня с fulgeo, flaveo и fulvus/ "огненного цвета, золотисто-желтый, золотистый, румяный, мутно-пепельный"

flaveo - "иметь золотисто-желтый цвет, золотиться, блестеть"

fulvus - /от гл. fulgeo; одного корня с flavus и fel/ "красно-желтый, темно-желтый, рыжий"

fel-, llis - "горечь, злоба, ненависть, гнев, яд, желчность"

flammo - /тот же корень, что и в flagro, fulgeo, flaveo и fel/ "гореть, пылать, сверкать, воспламенять, зажигать, возбуждать, возмущать, сильно раздражать, разгневать".

flamma - /от глагола flammo, āre/ "огонь, пламя, жар, пыл, блеск, сияние".

Рассматривая перечисленные, а потом и последующие примеры из латинского и других индоевропейских языков, мы не намерены останавливаться на различных ступенях чередования корневых гласных, так как о них уже неоднократно шла речь. Прежде чем перейти к анализу других рядов в латинском языке, нужно обратить внимание на то обстоятельство, что латинские fulmen и plaga переkreшиваются не только в фонетических рядах, но и в семантической зоне:

plaga - /к plango/ "удар, ушиб, бедствие, ущерб, страдание"

plaga caeli - "удар молнии, разящая с неба сила, бедствие с неба"

palleo - /восходящая к общему корню с plango, pello, fel, fulgeo/ "становиться бледным, бледнеть, бледнеть от страха, бояться, страшиться, тревожиться, страшно беспокоиться"

pallo - /тот же корень, что и в palleo/ "губить, разить, уничтожать"

pello- /с другой огласовкой корневого гласного; восходит к общему корню с pallo, flagro, plango, fulgeo/ "бить, толкать, поражать, наносить поражение, уничтожать, возбуждать, потрясать, обращать в бегство, изгонять, прогонять"

vello - /другого фонетического ряда, с той же огласовкой корня, что и в pello, fel/ "мучить, терзать, сносить, разрушать, трепать, срывать"

vulnus - /с другой огласовкой корня, восходит к общему корню с fulmen, fel, pello, pallo, plango/ "рана, ранение, повреждение, поломка, урон, ущерб, потеря, поражение, разгром; оружие, наносящее рану; удар, наносящий рану"

vulnero - /тот же корень, что и в vulnus, fulmen/ "разить, поражать, наносить рану, наносить ущерб, раздражать"

bullo - /другого фонетического ряда; с той же огласовкой корня, что и в fulmen, fulvus, fulgeo/ "кипеть, бурлить, вскипать, заставлять кипеть, разжигать."

Приведенные данные из латинского языка побуждают думать, что в исторический период развития индоевропейских языков вышеупомянутый альтернативный корень с начальной билабиальной протофонемой покрывал очень обширную семантическую зону, в то время как на ранней стадии существования языка-основы он имел, по-видимому, более узкое значение, но с течением времени на протяжении тысячелетий получил такое разветвление, что иногда даже трудно усмотреть родство некоторых слов, восходящих к его фонетическим рядам. Основываясь на фактах латинского языка и привлекая данные древнегреческого, мы более уверенно можем сделать выводы не только о специфике этого альтернативного корня, но и об основном вопросе, касающемся остатков древнего перфекта в славянских языках. Древнегреческий обнаруживает такие же словообразовательные архетипы этого корня, при-

чем здесь наличествует как сходство с латинским языком, так и расхождение.

πῆρ, -ος - "огонь, пламя, жар, пыл, страсть, небесный огонь, молния"

πῆρωσ - /одного корня с πῆρ/ "жечь, истреблять огнем, выжигать, воспламенять, зажигать, опустошать огнем, очищать огнем, распалать, волновать, возбуждать"

πῆρπολεω - "жечь, зажигать огни, разжигать, сжигать, уничтожать огнем".

Нетрудно заметить, что корень πῆρ восходит к общиндоевропейскому ⁺pur-/⁺pul-, от которого ведет свое начало славянское пылъ ⁺pyль ⁺pŭль ⁺pŭlos. Что же касается сонорных ⁺г и ⁺л, то в их употреблении наблюдаются колебания, зафиксированные многими индоевропейскими языками, скр. rīresa, греч. λε-λολα, гот. lailot "я оставил и оставленное налицо" - перфектные формы, восходящие к одному корню, от которого образовано и слав. отлѣнъ "остаток"; лат. sterno "стелю" - ст. слав. стѣлѣж "стелю"; лит. sarna "иней" - ст.-слав. слана "иней".

Показателен в этом отношении и приведенный выше греческий глагол πῆρπολεω, в котором обнаруживается редуцированный корень ⁺pur-/⁺pol с различной огласовкой. В этой связи небезынтересно припомнить и др.-в.-н- fiur "огонь" и лат. fulmen.

Рассмотрим далее другие рефлексы корня ⁺pal-/⁺pol-/⁺pl-⁺fal-/⁺fl-, отразившиеся в греческом языке.

παλλω - "размахивать, потрясать, раскачивать, трястись, дрожать, возбуждать, волновать"

παλν - /дор. παλα / "битва, сражение"

πολεμος - "битва, сражение, война, возмездие, кара"

πολιος - "седой, блестящий, светлый, сияющий, сверкающий, пылающий"

- πληνυλ - /дор. παλῦα/ "удар, бедствие, несчастье, поражение, разгром, рана, ушибленное место" /ср. лат. plaga/
- πληκτις - "жгучий, палящий"
- φαλιος - "блестящий, светлый, белый"
- φλαω - "бить, ударять, колотить, терзать, поражать"
- φλεῦω - "жечь, сжигать, освещать, озарять, гореть, пылать, воспламенять, волновать"
- φλεῦμα - "огонь, пожар, желчь, раздражение"
- φλεγεῖθω - "сжигать, сгорать, гореть, сверкать, пылать"
- φλοξ, φλογος - "пламя, огненное тело, метеор"
- φλογμος - "пламя, огонь, жар"
- φλογεος - "горящий, пылающий".

Рассмотрев все эти факты, мы должны остановиться и на данных древнеиндийского, так как последний обнаруживает очень большую степень сходства с системой греческого языка. Приведем примеры из санскрита.

- phal - "лопнуться, раскрыться, трескаться, разрушаться"
- phálati - /3 л. ед.ч. praesens/ "лопается, трескается, разрушается"
- phala - "плод, результат, возмездие"
- phula - /прич. форма к phal/ "лопнувший, сияющий"
- pāl - "защищать, охранять, покровительствовать"
- pāla - "хранитель, покровитель, защитник, повелитель, царь"
- bāla - "сила, власть, насилие"
- bala-pati - "повелитель Востока"
- bāla - "только что взошедшее солнце"

bālātapa	- "сияние утреннего солнца, первые лучи восходящего солнца"
bālya	- "новолуние"
barhū	- "убивать, уничтожать"
bhā	- "звезда, созвездие, небесное светило, светило, солнце"
bhalam	- "блеск, сияние, пламя"
bhati	- /3 л. ед.ч. praesens/ "светит, сияет, пылает"
plosa	- "большой пожар, пламя"
vell	- "дрожать, трястись, качаться, колебаться, волноваться"
vellana	- "волнение, колебание"
parāji	- "наносить поражение"
parabhava	- /редупл. корень +par-/ +bha-/ "поражение, уничтожение"
paribhrāj	- /редупл. корень +par-/ +bhra- из более древн. +par/+bhar-/ "сверкать, блестеть, пылать".

По понятным причинам факты древнеиндийского и в частности санскрита имеют эпизодический характер, но приведенные примеры в сравнительном плане с латинским и древнегреческим проливают новый свет не только на сущность и специфическую особенность вышеупомянутого корня и его альтернативных фонетических рядов, но и на эволюцию его семантики.

Не претендуя на полное раскрытие семантической зоны и специфической особенности этого корня, мы считаем, что если перечень фактов и из индоевропейских языков даже и не полон, он все равно может служить исходным пунктом для ряда основных выводов.

1. Славянским словообразовательным архетипам в этимологически родственных морфемах в иных индоевропейских языках почти всегда соответствуют такие же архетипы, хотя их порой очень трудно установить вследствие фонетических и морфологических наслоений разных эпох.

2. Общеславянский корень ⁺pal-/⁺pol-/⁺pul-/⁺pel-/⁺pl-, обнаруживающийся в словах палити, полѣти, пыль, пепелъ/попелъ, плаполати и т.п., восходит к индоевропейскому архетипу с билабиальной протофонемой, послужившей источником развития всех других губных звуков — билабиальных, лабиодентальных и лабиоспирантов.

3. Реальное существование предлагаемых гипотетических рядов интересующего нас корня подтверждается данными индоевропейских языков.

4. Эпизодичность альтернативных рядов с фонемами [f] и [v] еще раз убеждают нас в том, что эти два звука не являются исконными и что они оформились на более поздней стадии развития индоевропейских языков. Исключение в этом отношении представляет латинский язык, в котором, по-видимому, [f] и [v] развились в самый ранний период самостоятельного его существования.

5. Вследствие того, что акционзартная форма древнего перфекта представляла словообразовательный архетип, ставший непродуктивным еще в доисторический период развития индоевропейских языков, остатки этой древнейшей старины можно обнаружить только в сфере славянских словообразовательных архетипов — в сфере альтернативных корней или непродуктивных классов частей речи.

Итак, после всех этих рассуждений о специфике древнего перфекта и славянских словообразовательных архетипов нам представляется возможным приступить к рассмотрению основного вопроса, касающегося остатков древнего перфекта в славянских

языках. В этой связи исключительно большой интерес представляет, как уже говорилось, слово *попелъ/пепелъ*, восходящее к вышеупомянутому альтернативному корню. С точки зрения формального строения мы можем категорически утверждать, что это слово никоим образом не могло образоваться ни от глагола ${}^+poleti$, ни от глагола ${}^+paliti$ или от какой-либо их производной формы. К тому же редуцированный корень в ${}^+porelъ/{}^+perelъ$ обнаруживает такой же словообразовательный архетип, к какому относится индоевропейский перфект с удвоением, зафиксированный памятниками письменности древних языков, в первую очередь греческого и санскрита. Следовательно, *палити*, *полѣти*, *пылѣ*, *попелъ/пепелъ*, *паполати* не являются производными друг от друга словами, а восходят к одному общему корню, т.е. к альтернативному ряду ${}^+pal-/{}^+pol-/{}^+pul-/{}^+pel-/{}^+pl-$. По существу сходную картину наблюдаем и у индоевропейской лексической категории Aktionsart — так, например, формальное строение перфекта свидетельствует о том, что он не мог образовываться фонетически ни от основы презенса, ни от основы аориста, и что эти акционзартные формы восходят к одному общему альтернативному корню. Кстати, говоря о перфекте с удвоением и о слове *попелъ*, мы должны обратить внимание на перфектные формы, восходящие к тем же альтернативным рядам, о которых шла речь выше. Такие перфектные формы представлены санскритом, древнегреческим и латинским языками.

скр. *vivélla* — перфект к гл. *vell*

др.-гр. *πεπληλα* — перфект к гл. *πάλω*

лат. *peruli* — перфект к гл. *rello*

На семантике этих трех глаголов не будем останавливаться, так как мы раскрыли ее, когда рассматривали индоевропейские альтернативные ряды /см. выше/. Нетрудно убедиться, что слово *пепелъ* обнаруживает заметное фонетическое сходство с

приведенными перфектными формами. И если вспомнить полабское *rürel* и польское *ropiół*, то легко видеть, что здесь и в вышеупомянутых перфектных формах мы имеем дело с различной огласовкой одного и того же корня, к которому восходят все эти слова. Несомненно, слово является, на наш взгляд, реликтом древней славянской акционзартной формы перфекта с удвоением. Однако перед нами встает вопрос: конкретно какую форму перфекта представляло славянское *popelъ*. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что далеко не все аномалии в языке следует рассматривать в качестве реликтов былой системы. Аномалии часто бывают следами только наметившейся тенденции языкового развития, которая рано замерла и никакой системы не породила. Сравнительная же грамматика славянских языков не располагает такими данными, свидетельствующими о былой наметившейся и рано замершей тенденции развития какой-либо системы. Таким образом, мы не видим никаких оснований для того, чтобы рассматривать слово *popelъ* в качестве аномалии. Конечно, здесь речь идет о реликте древнего словообразовательного архетипа.

Мы полагаем, что для понимания сущности и происхождения интересующего нас слова надо исходить из протославянской его формы **ropelōs*, бытовавшей до начала действия закона открытого слога, где *-os* являлось показателем определенного типа основ, в данном случае "О" краткой основы. Общеизвестно, однако, что показатель **-os* был характерен не только для имен существительных, но и для кратких форм прилагательных и причастий.

Между тем специфика акционзартных форм презенса, аориста и перфекта, как уже об этом шла речь, состояла в том, что они служили источником для образования ряда производных форм

- временных глагольных, причастий, деепричастий, отглагольных существительных и т.д.

Но поскольку от формы перфекта индоевропейскими языками не зафиксировано имен существительных и прилагательных, то мы можем заключить, что протославянская форма ⁺ropelōs могла быть только перфектным причастием /participio perfecti/. Существенное значение для обоснования высказанного мнения имеет также факт наличия перфектных причастий в греческом языке.

λεληκως - part. perf. к λεληκα от глагола λαακω "звучать, греметь, звенеть, трещать".

γεγυωνος - part. perf. к γεγωνα "громко кричать, сообщать, извещать"; встречается и part. perf. γεγυωνος

πεπτος - от глаг. πεπτω "падать, бросаться, рушиться"; распространено и part. perf. πεπτως

Этот перечень перфектных причастий в греческом языке может быть продолжен, так как почти каждая перфектная форма образовывала participio perfecti. Такой же словообразовательный процесс обнаруживается и в санскрите, но приведенных примеров вполне достаточно, чтобы подтвердить наш тезис. Однако мы проанализировали протославянское ⁺ropelōs с точки зрения формального строения. Для того, чтобы убедиться окончательно в правомерности нашего тезиса, надо проанализировать и семантику этого слова. В древних и современных славянских языках слово пепел обозначает "пылевидную верую массу, остающуюся от чего-н., сгоревшего", т.е. то, что осталось от предмета после того, как он сгорел; состояние предмета после его сгорания, в том числе и после пожара. По существу значение слова попель/пепель указывает на состояние предмета как результат прошлого действия, на жизнеустойчивость последствий действия для более позднего временного плана. А это не что иное, как перфектное значение. По-видимому, протославянское ⁺ropelōs как перфектное причастие

имело значение "уничтоженный огнем, уничтоженный пожаром, превратившийся в пыль вследствие пожара, испепелившийся и т.п."

Таким образом, оказывается, что имя существительное *попелъ* ведет свое начало от древней акционзартной формы перфекта, бытовавшего в тот период существования протославянского языка, когда в нем еще не было оформившейся грамматической категории времени.

Вызывает интерес в этом отношении и глагол *плаполати*, семантическая первородность которого перекликается со значением перфекта, причем и по формальному строению *плаполати* сходно со строением этой акционзартной формы.

Следовательно, в противовес всем ученым, которые считают, что якобы древнерусское глаголати должно было звучать как *голололати*, нам приходится утверждать, что слово глаголати никогда не могло подвергнуться фонетическим изменениям вследствие действия закона открытого слога, ибо в этом глаголе издревле не было и не могло быть закрытых слогов. Инфинитивные формы *плаполати* и *глаголати* обнаруживают одинаковое формальное строение, что на наш взгляд, не является случайным совпадением. Если учесть, что санскритом представлена только перфектная форма *aha* "говорю" /т.е. глаголъх/, то мы вправе считать, что в глубокой древности основы ⁺*glagol-* и ⁺*plahol* представляли перфектные основы с редупликацией и различной огласовкой корня /⁺*gl-*/⁺*gol-*/⁺*pl-*/⁺*pol-*/. Это обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о производном, вторичном происхождении этих инфинитивных форм. Такие же инновации зафиксированы и греческим языком:

υεϋωνειν - praesens от perf. *υεϋωναι* "кричать, быть слышным, сообщать"

εϋρηϋοειν - praesens от perf. *εϋρηϋορα* "бодрствовать"

ῥοιπιδειν - praesens от perf. *ῥοιπιδαι*

После всего сказанного нам остается сделать, быть может, в какой-то степени и полемический вывод о том, что от индоевропейской акционзартной формы перфекта образовались не только формы настоящего и нарративного прошедшего времени, но и номинативные формы.

Примечания

1. А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, с. 223.
2. В.В. Иванов, Ст. Ковачев. "К проблемам истории славянских категорий вида и времени". "Болгарская русистика". София, 1978, кн. 2.
3. А. Мейе. Ук. соч., с. 212--213.
4. Изложение принципов социологической школы в лингвистике было сделано учеником А. Мейе норвежским ученым Алтфом Коммерфельтом в статье "La philosophie linguistique française", вышедшей в "Bulletin de la Société de linguistique de Paris", т. XXV, 1924--1925. См. также книгу Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики". М., 1933.
5. А.А. Потебня. "Из записок по русской грамматике". т. IV. М.-Л., 1941, с. 47.
6. В.В. Иванов, Ст. Ковачев. "К проблемам истории..."
7. Kurylowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, p. 43, а также The Inflectional Categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, p. 63 sqq.
8. М.И. Срезневский. "Материалы для словаря древнерусского языка", т. II. СПб., 1895, с. 869, 1152, 1188, 870, 868, соответственно.
9. М. Фасмер. "Этимологический словарь русского языка". т. III. М., 1957--1962, с. 234.
10. М. Фасмер. Ук. соч., с. 317 /слово полох/.